
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия

Д.Э. ЛЕТНЯКОВ*, Н.Н. ЕМЕЛЬЯНОВА**

*Денис Эдуардович Летняков – кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр теоретической и прикладной политологии РАНХиГС; старший научный сотрудник, Институт философии РАН. Адрес: 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: letnyakov@mail.ru

**Наталья Николаевна Емельянова – кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии РАН; доцент ФГБОУ ВО ГАУГН. Адрес: 109240, Москва, Гончарная ул., д. 12, стр. 1. E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

Цитирование: Летняков Д.Э., Емельянова Н.Н. (2017) Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия // Мир России. Т. 26. № 4. С. 118–142. DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142

Сегодня о «мягкой силе» в России говорят и пишут очень много. Гораздо реже можно встретить работы, в которых анализировались бы конкретные вопросы, связанные с реализацией российской «мягкой силы»: каким образом действуют структуры, созданные для ее продвижения (Россотрудничество, Фонд «Русский мир», Фонд им. А.М. Горчакова); есть ли у России конкурентные преимущества в сравнении с другими странами в этом аспекте; как необходимо выстраивать стратегию российской «мягкой силы» применительно к конкретным регионам мира. Авторы статьи ставят своей целью ответить на эти и некоторые другие вопросы, обращаясь к такому важному для нашей страны региону, как Центральная Азия. Помимо этого, в работе проводится сравнительный анализ политики «мягкой силы», которую осуществляют в Центральной Азии другие мировые и региональные игроки – США, Китай и Индия. В итоге делается вывод, что Россия пока еще располагает в регионе значительными ресурсами «мягкой силы», однако все они основаны, главным образом, на наследии советской эпохи, а потому России крайне важно выработать четкую стратегию осуществления своей soft power, каковой уже обладает большинство ее конкурентов в Центральной Азии.

Ключевые слова: «мягкая сила», Центральная Азия, постсоветское пространство, Россия, Китай, США, Индия, культура, имидж, национальный бренд

Согласно известной легенде, когда И.В. Сталину посоветовали не портить отношения с могущественным Папой Римским, советский вождь с иронией поинтересовался о том, сколько дивизий имеется в распоряжении Ватикана. Однако на современном этапе влияние государств на международной арене уже не измеряется исключительно военным или экономическим потенциалом, поэтому неслучайно в политической науке более четверти века активно разрабатывается концепция «мягкой (гибкой) силы» [Най 2006], предполагающая воздействие на другие страны с помощью нематериальных факторов: собственной культуры, системы ценностей, успешной модели социального развития, узнаваемых национальных брендов и т.д.

Хотя изначально идея «мягкой силы» была сформулирована Дж. Наем применительно к США для объяснения американского влияния в мире, она быстро получила распространение и в других странах: сегодня рассуждения о китайской, бразильской, индийской и прочих национальных разновидностях «мягкой силы» становятся общим местом. Россия тоже старается следовать этому тренду: в принятой в 2013 г. Концепции внешней политики «мягкая сила» впервые определялась как неотъемлемая часть современных международных отношений [Концепция внешней политики Российской Федерации 2013]; также ранее был создан ряд институций, призванных обеспечивать реализацию российской «мягкой силы»: Федеральное агентство Россотрудничество, Фонд им. А.М. Горчакова и фонд «Русский мир».

Активная проработка концепта «мягкой силы» идет и на уровне российского академического и экспертного сообщества: достаточно набрать искомые слова в базе любой крупной электронной библиотеки, и на выбор будут предложены десятки наименований статей, монографий и диссертаций. Тем не менее в этой теме до сих пор сохраняются многочисленные лакуны, которые ждут своих исследователей. В частности, довольно скупо освещены исключительно прикладные аспекты «мягкой силы»: что может представлять собой российская *soft power* в ее конкретном воплощении; каким образом работают структуры, созданные для ее продвижения; есть ли у России в данном контексте конкурентные преимущества в сравнении с другими странами; каким образом необходимо выстраивать стратегию российской «мягкой силы» в различных регионах мира? В этой статье сделана попытка восполнить этот пробел и рассмотреть обозначенный круг вопросов применительно к постсоветской Центральной Азии.

Не секрет, что этот регион чрезвычайно важен для России: он является, по сути, единственной частью постсоветского пространства, где можно обнаружить более или менее активные процессы реинтеграции бывших союзных республик с Россией (ОДКБ, ЕАЭС); с центрально-азиатскими государствами РФ связана сотрудничеством и в области энергетики, миграции, в сфере борьбы с терроризмом и т.д. Вместе с тем в последние годы Россия испытывает в Центральной Азии возрастающую конкуренцию за влияние со стороны ряда других государств. Оказалось, что Россия – далеко не единственная сила, способная быть важным актором в регионе, несмотря на уверенность в обратном отечественных политиков 1990-х гг. Даже в тех странах, которые считаются наиболее близкими к России (например, Казахстан), элиты сознательно проводят многовекторную внешнюю политику, что делает невозможным безраздельное российское доминирование в Центральной Азии. Поэтому представляется целесообразным, помимо исследования российской «мягкой силы», проанализировать и сравнить аналогичные стратегии, которые

используют в регионе другие международные игроки. Последних, кстати, довольно много: США, которые развили активную деятельность на центрально-азиатском направлении после событий 11 сентября 2001 г. и начала военной операции против талибов; Турция, которая сразу после распада СССР стала энергично продвигать в странах Центральной Азии идею тюркского единства; Китай, Иран, Индия, ЕС, Южная Корея, Япония и другие.

Разумеется, формат журнальной статьи не позволяет досконально исследовать ресурсы «мягкой силы» всех значимых акторов в регионе, поэтому авторы, помимо России, сосредоточились на тех из них, которые действуют в Центральной Азии, претендуя при этом (хотя бы в перспективе) на статус державы с глобальными интересами: США, Китае и Индии. Каждый из выбранных кейсов имеет свою специфику и по-своему любопытен: США представляют интерес как ведущая мировая держава, глобальный лидер по потенциалу «мягкой силы»; Китай – как экономический гигант, осуществляющий в Центральной Азии масштабные инвестиции и рекордными темпами увеличивающий свой товарооборот со всеми пятью государствами региона¹; Индия – как растущая сила, не так давно заявившая о себе в Центральной Азии в качестве серьезного игрока и прилагающая значительные усилия для закрепления в этом регионе².

После рассмотрения ресурсов и стратегий «мягкой силы» РФ, США, Китая и Индии авторы попытались систематизировать основные выводы с помощью SWOT-анализа, что позволило выявить сильные и слабые стороны каждого из четырех акторов, а также существующие возможности и ограничения для реализации обозначенными государствами своего потенциала «мягкой силы» в Центральной Азии.

Россия: инерция советской «мягкой силы»

В контексте заявленной темы важным представляется вопрос, какими именно ресурсами «мягкой силы» на постсоветском пространстве располагает Россия. Существует мнение, что РФ таковых не имеет вовсе, а потому в своей внешней политике ей лучше опираться на другие инструменты [Караганов 2016]. На первый взгляд, данное утверждение не лишено определенных резонансов: например, совершенно очевидно отсутствие у современной России таких составляющих «мягкой силы», как ценности и политические идеалы, которые она могла бы транслировать другим государствам. Кстати, Советский Союз этим ресурсом обладал: можно вспомнить, что по крайней мере до конца 1950-х гг. многие западные интеллектуалы видели в советской модели жизнеспособную альтернативу капитализму, а в странах третьего мира симпатии к СССР основывались на его антиимпериалистической риторике и поддержке процессов деколонизации. Вряд ли сегодня можно говорить и об успешном национальном брендинге: по всем шести показателям, предлагаемым

¹ Киргизия, Таджикистан, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан.

² Об особом значении центрально-азиатского вектора во внешней политике Индии было объявлено в 2012 г. на презентации стратегии *Central Asia Connect Policy* в рамках проходившего в Бишкеке форума «Первый индо-центрально-азиатский диалог», поэтому недооценивать эту страну не следует.

Саймоном Анхольтом³, Россия в топе мировых рейтингов отсутствует, исключение составляет лишь ее культурное наследие. Тем не менее приведенные факты свидетельствуют, скорее, об определенных *ограничениях* потенциала российской «мягкой силы», чем о его полном отсутствии. Кроме того, говоря о постсоветском пространстве, нужно иметь в виду, что этот потенциал распределен по региону весьма неоднородно, возрастая «при движении с Запада на Восток Центральной Евразии» [Казанцев, Меркушев 2008, с. 126]. Иными словами, в странах Балтии, где господствующим является нарратив о «советской оккупации» и сохраняется озабоченность в отношении нынешней «российской угрозы», России по понятным причинам сложно задействовать инструментарий *soft power*, зато в Центральной Азии ситуация прямо противоположная. В данном случае следует сослаться, прежде всего, на сборник «Россия и ЕС в Центральной Азии», подготовленный Институтом Европы РАН [Носов, Бочерева 2008]. Основываясь на приведенных в нем данных, можно сделать следующие выводы:

1. В постсоветской Центральной Азии Россия воспринимается как дружественная страна, как наиболее близкий союзник (по крайней мере, в Казахстане, Киргизии и Таджикистане): так, число респондентов, позитивно оценивающих влияние России на Таджикистан, превышает 90% [Олимова 2008, с. 127].

2. Россия рассматривается как передовое, развитое и могущественное государство. Несмотря на то, что, в отличие от Китая, Россия не может похвастаться успешной моделью развития, способной стать примером для подражания, почти 60% таджиков полагают, что в нынешней России сложилась самая лучшая в мире политическая система [Олимова 2008, с. 129], примерно 40% уверены, что у России еще и лучшая в мире экономика [Олимова 2008, с. 132]. В Узбекистане среди тех, кто хотел бы уехать в другую страну на постоянное жительство, около половины опрошенных выбрали бы Россию [Абдуллаев 2008, с. 69], еще большее число узбеков рассматривают ее как привлекательную страну для трудовой миграции.

3. Сохраняется в целом позитивное отношение к общей с Россией истории, в особенности к советскому периоду [25 лет без СССР 2016, с. 10]. Россия в исторической памяти народов Центральной Азии предстает скорее не как колонизатор, а как модернизатор местных обществ. В центрально-азиатских странах по инерции продолжают воспроизводиться прежние советские представления о Москве как о центре богатства и власти. Неслучайно во время известных событий 2005 г. в Андижане (Узбекистан) восставшие в какой-то момент обратились именно к российскому руководству с просьбой о помощи.

4. Русская культура расценивается как цивилизующая [Борисов, Панарин 2008, с. 103], а русский язык – как престижный язык обучения: до сих пор многие представители титульных национальностей стремятся отдать своих детей в русскоязычные школы/классы [Летняков 2015]. Русский язык продолжает активно применяться в деловой сфере: еще несколько лет назад в двух крупнейших городах Узбекистана (Ташкенте и Самарканде) около 80% городского населения на работе активно использовало именно русский язык [Pavlenko 2008, p. 72].

Вполне очевидно, что в Центральной Азии РФ представлена целым набором элементов «мягкой силы», среди которых положительный имидж, интерес

³ Развитая индустрия туризма, узнаваемые экспортные бренды, внешняя и внутренняя политика, инвестиции и иммиграционное законодательство, культура и традиции, народ [Анхольт, Хильберт 2010, с. 21].

к русскому языку и т.д. Не следует забывать и о том, что практически на всем постсоветском пространстве российская массовая культура (от сериалов и ток-шоу до поп-музыки и современной литературы) остается достаточно популярной: многие люди продолжают смотреть российское телевидение (как правило, через спутниковые тарелки), читать газеты и книги на русском языке, выходить в русскоязычный сегмент Интернета. Наконец, Россия остается главным центром миграционного притяжения для жителей центрально-азиатского региона, а также весьма привлекательной с точки зрения получения высшего образования.

Итак, возможности для использования российской «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии существуют. Проблема, однако, состоит в том, что российская *soft power* почти целиком основана на ресурсе прошлого, а не на достижениях настоящего: широкое распространение русского языка в регионе, уважительное отношение к русской культуре, стереотипы населения, ориентирующегося на Россию как на бывшую метрополию в своих миграционных и образовательных стратегиях, – все эти факторы имеют советские корни со свойственным им инерционно-остаточным характером. Тем не менее наследие СССР не вечно, и уже сейчас наблюдатели отмечают падение интереса к изучению русского языка среди центрально-азиатской молодежи одновременно с ростом популярности английского, китайского и турецкого языков. Поэтому России крайне важно предложить четкую стратегию в области «мягкой силы», иначе в обозримой перспективе появляется риск потери большинства культурно-символических ресурсов. В этой связи возникают вопросы: есть ли у России такая стратегия и каким образом она использует свой потенциал «мягкой силы»?

Чтобы понять, как Россия реализует свои ресурсы «мягкой силы» и что вообще такое «мягкая сила» в представлении отечественного политического класса, необходимо проанализировать работу трех институций – фонда «Русский мир» (создан в 2007 г.), Россотрудничества (2008 г.) и Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова (2010 г.), являющихся наиболее важными российскими игроками на этом поле.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что в своей деятельности и Россотрудничество, и «Русский мир» делают основной акцент на работе с «соотечественниками за рубежом», что вряд ли можно признать удачным решением. Дело в том, что само это понятие, возникшее в ходе распада СССР, представляется весьма спорным: применительно к постсоветскому пространству в него в широком смысле обычно включают всех русских, оказавшихся после 1991 г. за пределами РСФСР. Этим людей нередко рассматривают как опору российского влияния за рубежом, как часть «русского мира», который якобы представляет собой единую культурно-цивилизационную общность. Типичный пример такого подхода – рассуждения бывшего директора Департамента МИД РФ по работе с соотечественниками за рубежом А.В. Чепурина о пятнадцатимиллионной российской диаспоре в странах СНГ и Балтии, члены которой должны способствовать «продвижению российских интересов и развитию связей с Россией в различных областях» [Чепурин 2006].

Однако в реальности идентичность и жизненные устремления русских в ближнем зарубежье вовсе необязательно связаны исключительно с Россией: многие из них не только не собираются покидать новые независимые государства для воссоединения с соотечественниками, проживающими в РФ, но, напротив, ощущают себя вполне органичной частью местного сообщества и считают своей родиной

ту страну, в которой они живут в настоящее время⁴. Интересным представляется тот факт, что наиболее распространенными стратегиями русских в ближнем зарубежье стали совмещение двух идентичностей («казахстанский русский») или акцент на региональной идентичности, которая «позволяет избежать трудностей выбора» между Россией и новой родиной (например, вариант «алматинский русский») [Космарская 2006, с. 198]. Можно предположить, что в концепт «разделенной русской нации» изначально заложено двусмысленное представление о лояльностях людей, которые далеко не всегда видят себя частью российской диаспоры и вовсе не считают своим долгом продвижение российских интересов.

Кроме того, сознательный упор на работу с соотечественниками мешает российским акторам «мягкой силы» адресовать свою деятельность более широким категориям населения постсоветских государств. Россотрудничество стремится, прежде всего, развивать сеть Российских центров науки и культуры за рубежом (РЦНК), которые, по замыслу организаторов, должны превратиться в площадку, на которой будет происходить приобщение всех желающих к русской культуре. Аналогичным образом действует и фонд «Русский мир», формируя сеть Русских центров и Кабинетов Русского мира, которые по своему функционалу схожи с деятельностью РЦНК. Также этот фонд регулярно проводит под своей эгидой Педагогический форум и Ассамблеи Русского мира. Во всех этих проектах очевидна не ориентация на работу с казахстанским, узбекским, таджикским и другими обществами в целом или с различными социальными группами (молодежью, гражданскими активистами, представителями политических, культурных и деловых элит), а узкая направленность на тот самый «русский мир». В то время как американские НПО работают на постсоветском пространстве с самыми разными сегментами гражданского общества, реализуя многочисленные проекты от бизнес-тренингов до мониторинга выборов и программ в области здравоохранения, Россотрудничество отмечает юбилей М.А. Булгакова в Бишкеке, а «Русский мир» проводит мероприятие под названием «Вечные ценности русской литературы». Безусловно, и вечер памяти создателя «Мастера и Маргариты», и разговор о русской литературе – мероприятия, представляющие огромный интерес, но насколько они эффективны с точки зрения продвижения российской «мягкой силы», как они помогают формировать благоприятное общественное мнение о России в странах ближнего зарубежья?

Недостатки российской «мягкой силы» связаны не только с неверно выбранной целевой группой. Проблема состоит и в том, что *soft power* России совершенно лишена креатива, ее акторы действуют шаблонно по давно отработанным моделям, не заботясь об их результативности. В этом смысле весьма показателен отчет Россотрудничества о проделанной работе за 2015 г. В перечне достижений за указанный период обозначено «расширение российского гуманитарного присутствия за рубежом», которое нашло свое отражение в открытии еще одного РЦНК в Румынии, получении согласия на открытие РЦНК в Киргизии, завершении строительства нового РЦНК в Кабуле и т.д. [Доклад о результатах деятельности Россотрудничества 2015], что демонстрирует однозначно формалистскую позицию авторов документа и отсутствие упоминания о критериях эффективности

⁴ Например, в Казахстане в последние годы многие русские специально определяют своих детей в казахоязычные детские сады с целью их социализации в соответствующей языковой среде.

работы этих Центров. По той же логике к пункту «Продвижение российской науки, культуры и образования» создатели Доклада относят и участие российских вузов в нескольких образовательных выставках за рубежом [Доклад о результатах деятельности Россотрудничества 2015, с. 8]. В то же время следует отметить, что в документе встречаются и действительно значимые, не декларативные мероприятия, как то оформления подписок и доставки в страны СНГ изданий по русскому языку и литературе или организации ознакомительных поездок в Россию «молодых представителей политических, общественных, научных и деловых кругов иностранных государств» [Доклад о результатах деятельности Россотрудничества 2015, с. 34–35]. Но обращает на себя внимание, что такие важные аспекты работы выполняются в удивительно малом объеме: так, по программе повышения квалификации преподавателей русского языка за 2015 г. в Россию приехало лишь 160 чел. со всего постсоветского пространства [Доклад о результатах деятельности Россотрудничества 2015, с. 17]. Остается неясным, что мешает активизировать это направление деятельности, тем более что во многих странах Центральной Азии главной причиной сужения ареала русского языка как раз и является нехватка хороших преподавателей и недостаток качественной учебной литературы. Финансирование могло бы вестись в том числе и в рамках ФЦП «Русский язык»⁵, заказчиком которой выступает Россотрудничество совместно с Минобрнауки, тем более что за первые пять лет (2011–2015 гг.) общий объем затрат на ФЦП превысил 2,5 млрд руб. [Концепция федеральной целевой программы 2014], но практические результаты от ее реализации пока отсутствуют.

Заметим, что поддержка Россией различного рода образовательных, исследовательских и научных проектов на пространстве бывшего СССР в целом и в странах Центральной Азии в частности (грантов для ученых, программ студенческих обменов и т.д.) могла бы стать одним из перспективных направлений реализации российской стратегии «мягкой силы». Во многих постсоветских государствах, испытывающих хронические проблемы с недофинансированием в сфере науки и образования, такая деятельность способствовала бы формированию лояльной России интеллектуальной элиты.

Что касается еще одной известной институции – Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова, то общая философия его работы мало чем отличается от деятельности Россотрудничества и «Русского мира». На сайте Фонда можно прочитать, что его «миссия <...> заключается в <...> содействии формированию благоприятного для России общественного, политического и делового климата за рубежом»⁶. Для этой цели Фонд занимается, главным образом, распределением грантов среди некоммерческих организаций для проведения различного рода круглых столов, семинаров, конференций и публичных лекций по внешнеполитической проблематике⁷. Но у всех этих мероприятий такая же проблема, как и в Ассамблее «Русского мира» или на концертах в РЦНК: они имеют, как правило, достаточно узкую целевую аудиторию и, как следствие, низкую эффектив-

⁵ Федеральная целевая программа «Русский язык».

⁶ <http://gorchakovfund.ru>

⁷ Например, при поддержке Фонда на протяжении нескольких лет проходит научно-образовательный форум «Кавказский диалог», или Школа молодых экспертов по Центральной Азии.

ность с точки зрения формирования позитивного имиджа России в постсоветских государствах.

Таким образом, можно утверждать, что ресурсы российской «мягкой силы» на постсоветском пространстве обусловлены, главным образом, наследием советской эпохи, и после 1991 г. для их развития и преумножения сделано очень мало. Как отмечалось, существенным ограничением для продвижения российской *soft power* является настроенность ее акторов на работу с соотечественниками, и смены вектора здесь пока не предвидится: принятая в ноябре 2015 г. амбициозная концепция «Русской школы за рубежом», согласно которой за границей должны создаваться школы с преподаванием на русском языке, опять-таки ориентирована в первую очередь на соотечественников, а не на всех желающих изучать русский язык [Концепция «Русская школа за рубежом» 2015].

Помимо вышеперечисленного, проблема состоит в том, что в России по-прежнему отсутствует долгосрочная стратегия развития собственной «мягкой силой». Возможно, одна из причин – двойственное отношение к «мягкой силе» среди российского истеблишмента. Хотя лица, принимающие решения, включая президента РФ и главу МИД, активно оперируют этим понятием, а государство тратит миллионы долларов в год на улучшение международного имиджа России (например, через медиаресурс «RT»), все же в российском официальном дискурсе сохраняется весьма настороженное отношение к инструментарию *soft power*, который в отличие от привычной «жесткой силы» видится не совсем честным орудием в руках коллективного Запада и нередко сводится к «манипулированию общественным мнением и сознанием» и использованию «правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства». Все взятые в кавычки фразы можно найти в Концепции внешней политики РФ [Концепция внешней политики Российской Федерации 2013]. Зачастую в этой же «охранительной» логике мыслит и экспертное сообщество [Филимонов, Карпович, Манойло 2015]. Очевидно, что в российском политическом классе многие относятся к самому концепту «мягкой силы» в лучшем случае как к незначимому инструменту внешнеполитической деятельности, который вряд ли стоит воспринимать всерьез, а в худшем случае – как к инструменту подготовки американцами «цветных революций» через различные структуры (например, *United States Agency for International Development* и *Freedom House*). Все это мешает адекватному восприятию и проработке данной концепции, сильно обедняет идею «мягкой силы» как таковую, сводя ее к чисто манипулятивным технологиям и пропаганде.

Наконец, последний нюанс, о котором необходимо упомянуть. Как известно, важная составляющая стратегии «мягкой силы» – это тот образ «себя», который страна предлагает внешнему миру. Однако кризис политического самоопределения в постсоветской России мешает формированию такого образа: ни общество в целом, ни элиты в частности не могут четко ответить на вопросы о том, кто мы и в каком направлении мы хотим двигаться. Проблемы с российской идентичностью естественным образом отражаются на эффективности работы проводников «мягкой силы», которые часто просто не понимают, как им взаимодействовать с представителями социума ближнего зарубежья, что им предлагать и как можно позиционировать современную Россию. Можно предположить, что в этой ситуации гораздо комфортнее продолжать малоперспективную работу с соотечественниками, открывать очередные РЦНК, проводить бесконечные ассамблеи, конференции и форумы.

США: ставка на международное развитие⁸

В первое десятилетие после распада СССР подход США к политике на постсоветском пространстве не отличался детальной проработкой взаимоотношений с каждым государством. Предполагалось, что объединенные общим историческим прошлым страны после коллапса СССР должны были столкнуться с похожими (если не идентичными) проблемами и кризисами неустойчивого развития. Бывшие страны Варшавского блока и союзные республики воспринимались коллективным реципиентом американских идей конкурентного экономического развития и демократических ценностей. При этом эволюция авторитарных режимов в контексте демократического транзита считалась вопросом времени.

Однако вскоре стремление политических элит Центральной Азии к тотальной власти в духе восточного деспотизма при параллельных процессах государственной дезинтеграции, архаизация общественного сознания, религиозная радикализация, ксенофобия, наркоторговля и нелегальная иммиграция только подтвердили, что этот регион невозможно рассматривать исключительно в контексте его советского прошлого. Это вынудило США диверсифицировать свой подход.

Возрастающее значение Центральной Азии для Соединенных Штатов определяется новой функцией в мировом процессе евразийского континента, где центрально-азиатские страны начинают играть роль геополитического центра. В экономическом плане Центральная Азия привлекательна значительными запасами полезных ископаемых (прежде всего газа, нефти и урана), а также в качестве обширного рынка сбыта продукции, возможности которого еще не реализованы. Кроме того, США стремятся использовать транзитный потенциал центрально-азиатских государств и в ситуации послевоенного развития Афганистана.

Ключевым инструментом по продвижению американского «мягкого обаяния» во всем мире является образованное в 1961 г. Агентство по международному развитию (*United States Agency for International Development – USAID*). В России, как и в других странах постсоветского пространства, *USAID* начало работать в 1992 г.⁹ Свою миссию агентство видит в реализации программ по развитию рыночной экономики, преодолению бедности, распространению и поддержке демократии, гуманитарной помощи и социальной поддержке, борьбе с гендерной дискриминацией [What we do 2016]. Организационно модель *soft power* США выглядит следующим образом. Бюджет будущих проектов формируют и представляют на одобрение Конгресса *USAID* совместно с Государственным департаментом США, также они ежегодно отчитываются о расходовании бюджета¹⁰. Через *USAID* распределяются денежные средства многочисленным НПО и прочим общественным

⁸ Главы «США: ставка на международное развитие», «Китай: культуросцентричный подход политического прагматизма», «Индия: Центральная Азия – второе стратегическое кольцо» подготовлены Н.Н. Емельяновой при поддержке Совета по грантам Президента РФ для молодых российских ученых – кандидатов наук, проект МК-6937.2016.6 «Мягкая сила» во внешней политике современной Индии: комплексный анализ.

⁹ С 2012 г. деятельность организации на территории РФ прекращена.

¹⁰ Отчеты находятся в открытом доступе; на официальном сайте *USAID* можно найти отчеты начиная с 1995 г. [Annual Performance Report 2016].

институциям. Основными операторами грантов *USAID* также являются американское агентство-грантодатель «Национальный фонд демократии» (*National Endowment for Democracy*), фонды Международный республиканский институт (*International Republican Institute*) и Национальный демократический институт (*National Democratic Institute*). Ежегодное финансирование программ самой сильной в мире структуры по распространению *soft power* официально составляет примерно 10 млрд долл.¹¹.

В настоящее время реализуется пятилетняя стратегия для Центральной Азии на период с 2015 по 2019 г. На презентации в Алма-Ате в ноябре 2014 г. было обозначено, что стратегия предполагает решение базовых задач по трем направлениям:

- 1) развитие разноплановой и конкурентной торговли и рынков;
- 2) улучшение регионального сотрудничества в области использования общих энергетических и водных ресурсов;
- 3) внедрение более эффективных и инклюзивных институтов управления.

Отсутствие понятия «демократический» в перечне базовых задач неслучайно: в свое время администрация Барака Обамы сознательно снижала накал критики недемократичности режимов в странах Центральной Азии и не столь активно апеллировала к правам человека, при этом в качестве ключевой идеи взаимодействия США с этими государствами выдвигалась концепция содействия международному развитию. В рамках презентации стратегии *USAID* в Центральной Азии также была озвучена официальная статистика помощи государствам Центральной Азии в период с 1992 по 2014 г.: общая сумма составила 2,2 млрд долл., из нее по 30% получили Казахстан и Киргизия, 20% – Узбекистан, Таджикистан – 10%, Туркменистан – 5%; остальные средства были израсходованы на специальные региональные программы [О стратегии *USAID* в Центральной Азии 2014].

По сведениям, размещенным на интерактивной карте проектов *USAID*, в странах Центральной Азии в настоящее время осуществляются 102 инициативы, и больше всего проектов реализуется в Киргизии – 28 (таблица 1), в Таджикистане – 23, в Казахстане – 20, в Узбекистане – 17, в Туркменистане – 14.

Особую роль играют проекты в образовательной сфере: так, в Киргизии одной из ключевых инициатив является программа по развитию основанного в 1993 г. Американского университета в Центральной Азии (АУЦА), первого высшего учебного заведения в Центральной Азии, выдающего аккредитованные степени США в сфере гуманитарных наук. Цель работы АУЦА – воспитание будущих лидеров для демократических преобразований в Центральной Азии. В Казахстане, в свою очередь, динамично развивается проект «Назарбаев-Университет», который создан с привлечением ведущих университетов США и ЕС, при этом российские вузы в создании нового вуза не задействованы.

Однако об абсолютном доминировании США в Центральной Азии говорить все же не приходится: влияние Китая и Индии способно стать препятствием на пути к распространению центрально-азиатской версии «американской мечты».

¹¹ На финансирование программ *USAID* выделяется около 1% федерального бюджета США. Средний бюджет США за последние 5 лет составил 1 трлн долл. Следовательно, финансирование программ *USAID* в среднем составляет 10 млрд долл. в год.

Таблица 1. Проекты, реализуемые при поддержке *USAID* в Киргизии

Перечень реализуемых проектов
Развитие Американского университета в Центральной Азии
Программа по защите здоровья и увеличению рождаемости
Программа поддержки выборов
Программа развития аграрного предпринимательства в Киргизии
Программа местного развития
Управление переходными инициативами
Программа по борьбе незаконной торговлей
Программа по обсуждению проблем ВИЧ и туберкулеза
Программа «Продовольствие ради мира»
Программа по усилению парламентаризма в Киргизии
Комплексная программа по охране здоровья матери и дитя
Программа по защите прав человека
Программа приграничного молодежного сотрудничества
«Реформа»: проект экономических реформ
Международный молодежный фонд «Создавай» (Jasa)
Программа правового обеспечения гражданского общества
Инициатива в области поддержки медиа
Программа содействия развитию политических партий
Программа развития демократии при помощи независимого профсоюзного движения
Программа содействия энергетической безопасности, эффективности и торговле энергоресурсами
Программа профилактики туберкулеза
Программа по укреплению судебной системы Киргизии
Проект по улучшению качества здравоохранения
Инициатива регионального трансграничного сотрудничества по защите водных путей
Проект в защиту качественного образования
Программа кредитования студентов
Региональная программа «Требуется исключения»
Проект по защите детей в сложных жизненных условиях

Источник: Interactive Map USAID. A comprehensive portfolio of USAID projects from all international locations // <http://map.usaid.gov/?l=regional&w=ASIA>

Китай: культуроцентричный подход политического прагматизма

Заинтересованность Китая в развитии взаимоотношений со странами региона носит стратегический характер. По последним данным авторов «Прогноза развития энергетики мира и России до 2040 г.», «Китай, который в настоящее время сопоставим с США по объемам энергопотребления, к концу рассматриваемого периода станет крупнейшим рынком, более чем в два раза превышающим американский» [Прогноз развития энергетики мира и России 2014, с. 19]. Активно инвестируя в ресурсный потенциал региона, финансируя строительство трубопроводной структуры, Китай стремится выстроить систему бесперебойных и рентабельных поставок энергоресурсов из Центральной Азии. Кроме того, Поднебесная, также как и другие геополитические игроки, рассматривает страны Центральной Азии в качестве серьезного рынка сбыта своей продукции. В целом китайское руководство нацелено на создание всех необходимых условий для экономического доминирования в регионе, а разрабатываемая им модель «мягкой силы» способствует продвижению национальных интересов, росту экономики и военной мощи страны на центрально-азиатских территориях.

При этом на протяжении последних 15 лет китайский истеблишмент выдвигает в качестве одной из своих задач и присутствие КНР в символическом пространстве мировой культуры, используя с этой целью современные механизмы публичной дипломатии (*гунгунвайцзяо*) и «мягкой силы» (*руан шили*), ставшие ключевыми принципами концепции научного развития Компартии КНР – «Дипломатия для народа, все – во имя народа».

В структуре Министерства иностранных дел КНР функционирует Управление по делам публичной дипломатии, где применяются важные инструменты коммуникационного влияния: модернизируются китайские СМИ (холдинги «Жэньминь Жибао» и Международное радио Китая, ИА «Синьхуа», телеканал ССТV9); регулярно организуются специальные информационные центры в рамках мировых форумов (G20, АТЭС, саммиты ШОС, БРИКС и др.), проводятся информационные кампании в период крупных бизнес-форумов (выставки ЕХРО), а также спортивных мероприятий. К примеру, масштабную кампанию по продвижению позитивного имиджа страны в 2008 г. во время XXIX летних Олимпийских игр в Пекине лично курировал член Политбюро ЦК КПК Лю Ци.

В целом организационно-содержательные вопросы стратегий китайского «мягкого обаяния» решаются в стране путем взаимодействия ключевых ведомств – Государственного совета, Отдела международных связей ЦК КПК, Центральной партийной школы Центрального комитета КПК, МИД, Ханьбань¹², Стипендиального Совета Китая.

Можно утверждать, что централизация и исключение неправительственных структур из сферы принятия решений – это отличительные черты китайской модели «руан шили». Каковы же ее основные инструменты? Из широко известной триады ресурсов «мягкой силы», предложенных Джозефом Найем (культура,

¹² Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом.

политическая идеология, дипломатия), Китай, руководствуясь политическим прагматизмом, исключил политические ценности как своеобразное слабое звено. «Если “мягкая сила” США строится на том, что модель американского политического устройства имеет “всеобщий” характер, то Китай подчеркивает тезис о многообразии путей развития» [Борох, Ломанов 2012].

Несмотря на то, что в КНР еще не принята отдельная официальная стратегия реализации «мягкой силы» в странах Центральной Азии, уже сейчас можно выделить два ключевых направления – «силу культуры» и «силу мысли», служащих продвижению различных идей миролюбия китайского народа как одного из гарантов стабильности в мире. Идеи «мирного роста» и «мирного подъема», лежащие в основе внешнеполитического курса Китая, стали реакцией на различные варианты концепции китайской угрозы, которая весьма востребована в западной политической школе (в США, Германии, Франции)¹³.

Китайский принцип «гармоничного мира» пока неоднозначно воспринимается и в странах Центральной Азии: на одной чаше весов оказываются возможные выгоды от реализации совместных проектов, на другой – опасения чрезмерного вмешательства могущественного соседа в региональную политику. Поэтому «первоначальной задачей руководства КНР остается ослабление антикитайских настроений в регионе» [Изимов 2014]. В то же время Китай и страны Центральной Азии связаны друг с другом транснациональными культурными связями таких этносов, как уйгуры, узбеки, казахи, таджики и др.

Культура страны, базирующаяся на морально-этических принципах конфуцианства, официально обозначается в качестве значимого элемента китайской «мягкой силы». Логичным продолжением подобной установки стало утверждение в 2011 г. на VI пленуме ЦК КПК стратегии «могущественного культурного государства» [Лукин 2015]. «Силу культуры» Китая в более чем 100 странах мира распространяет разветвленная сеть Институтов Конфуция, которая координируется в Пекине организацией Ханьбань. Эта сеть работает с 2004 г. по аналогии с международными культурно-образовательными проектами, Институтом Гете или Институтом Сервантеса¹⁴. С 2010 г. в китайском городе Урумчи, административном центре Синьцзян-Уйгурского автономного района, функционирует специальная база по распространению китайского языка в Центральной Азии. Следует отметить, что этот автономный район играет ключевую роль в деле активизации китайского культурного влияния на молодежь Центральной Азии.

Каждый год в Китай по линии Институтов Конфуция отправляются более сотни талантливых студентов из соседних государств; также идет финансирование дополнительных программ по линии ШОС. В итоге десятки тысяч среднеазиатских студентов участвуют в изучении языка и культуры Китая, и в будущем эти квалифицированные специалисты будут привлечены для реализации совместных проектов. В отношении богатого газом, но закрытого Туркменистана разработаны

¹³ Американский политик Пол Вулфовиц и вовсе проводит аналогии между китайским подъемом XXI в. с усилением фашистской Германии в XX в. [Wolfowitz 2000, p.44].

¹⁴ На постсоветском пространстве Институты Конфуция представлены в Украине, Беларуси, Армении, Азербайджане, Таджикистане; в Центральной Азии Институты Конфуция работают при крупных вузах Казахстана (4), Киргизии (4 института и 10 классов). В Узбекистане (2) и Таджикистане (1) Институты Конфуция также функционируют при центральных национальных университетах. Что касается Киргизии, то в Бишкекском гуманитарном университете китайский язык изучают более 2 тыс. студентов.

специальные программы, благодаря которым более 1,5 тыс. туркменских студентов уже обучаются в ведущих китайских институтах. Среди среднеазиатских студентов, получающих образование в Китае, наибольшее количество приходится на Казахстан (7,5 тыс. чел.) [Изимов 2014].

«Силу мысли» Китая обеспечивают стремительно развивающиеся *think tanks* – китайские «фабрики мысли». Среди наиболее влиятельных китайских *think tanks*, нацеленных на работу со среднеазиатскими государствами, участвующих в выстраивании внешней политики Китая и обладающих моральным авторитетом, выделяются:

– Китайский институт народной дипломатии¹⁵, являющийся центральной коммуникационной платформой по развитию полуофициальных взаимоотношений с политиками и общественными деятелями из 120 стран мира (даже в случае их отставки);

– Академия общественных наук КНР (АОНК)¹⁶, в состав которой входит Институт изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии. В этом учреждении находится одна из богатейших библиотек по центрально-азиатской тематике; последние годы институт принимает деятельное участие в организации представительных мероприятий по проблемам развития Центральной Азии совместно с учеными, бизнесменами и представителями политической элиты этих стран;

– Институт международных исследований Фуданьского университета¹⁷, в рамках которого функционирует Центр изучения России и Центральной Азии;

– Китайская академия современных международных отношений (КАСМО)¹⁸, при которой функционирует отдел изучения Центральной Азии, занимающийся всесторонним исследованием развития стран центрально-азиатского региона;

– Шанхайская академия международных исследований (ШАМИ)¹⁹; действующий при академии Центр России и Центральной Азии особое внимание уделяет проблемам внутренней и внешней политики стран Центральной Азии, а также интеграционным перспективам ШОС [Комиссина 2012].

«Китайские “фабрики мысли” призваны пропагандировать “китайскую модель развития”, особенно в развивающихся странах, как это делают крупнейшие аналитические центры США» [Комиссина 2012, с. 41], именно по этой причине крупнейшие китайские *think tanks* динамично развивают совместные исследовательские проекты с научными и образовательными центрами Центральной Азии.

Экспортируя «руан шили», Китай предпринял серьезную попытку разъяснить, почему путь китайского социализма для развивающихся стран может представляться весьма успешным. В борьбу за «мягкое обаяние» в такой трактовке вслед за Китаем активно вступает поднимающая «мягкая сила» Индии, самой большой по численности электората страны незападной демократии.

¹⁵ <http://www.cpifa.org/>

¹⁶ <http://cass.cssn.cn/>

¹⁷ <http://www.fudan.edu.cn/>

¹⁸ <http://www.cicir.ac.cn/chinese/>

¹⁹ <http://www.siis.org.cn/>

Индия: Центральная Азия – второе стратегическое кольцо

В отличие от США и Китая, Индия в силу стратегического партнерства с СССР имела возможность выстраивать взаимоотношения с республиками Центральной Азии еще в советские времена. Развивались культурные связи: так, в Ташкенте находились типографии, производившие печатные материалы на индийских языках (главным образом, хинди и урду), многие переводчики индийских языков были родом из Узбекистана²⁰.

После распада СССР Индия одной из первых проявила интерес к установлению двусторонних отношений с каждым из пяти новообразованных государств, тогда же были подписаны документы о намерениях, в том числе в области культурного и научного диалога, однако долгое время намерения так и оставались на бумаге. Действия Индии в регионе сужались до скромных попыток снизить активность экстремистских группировок в контексте индо-пакистанского противостояния и проблемы Кашмира. Тем не менее последнее десятилетие характеризуется заметными попытками Индии вовлечь Центральную Азию в орбиту своего влияния: этот регион рассматривается не только с точки зрения исторической и культурной общности, которая насчитывает не одно столетие, но и с точки зрения продвижения индийских интересов в области экономики и безопасности [Савкович 2012, с. 114–120].

В основе явного желания Индии развивать центрально-азиатский вектор политики лежат два принципиальных обстоятельства. Первое ожидаемо связано с энергетическим фактором и возрастающими потребностями Индии в энергоресурсах. По прогнозам, к 2040 г. «спрос на жидкие топлива во второй крупнейшей азиатской экономике <...> более чем удвоится» [Прогноз развития 2014, с. 29]. В целом растущая индийская экономика остро нуждается в нефти и газе, до 70% поставок которых ранее шли из стран Персидского залива. Однако нестабильность в этом регионе вынудила Индию искать новых партнеров, и, несмотря на проблемы с транспортными коммуникациями, в вопросе диверсификации поставок энергоресурсов индийское руководство рассчитывает именно на сырьевые запасы, расположенные в Центральной Азии [Савкович 2012, с. 114–120]. В последнее десятилетие в рамках политики энергетической безопасности крупнейшая индийская нефтегазовая корпорация *ONGC* активно инвестировала в нефтяные месторождения Казахстана; для обеспечения бесперебойных поставок энергоресурсов из Центральной Азии индийские власти готовы вложить в проекты магистральных трубопроводов (в частности, в трубопровод Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия протяженностью 1680 км) до 7,6 млрд долл. [Campbell 2013, р. 3].

Второе обстоятельство обусловлено геополитическими устремлениями Индии, которые выстраиваются в рамках Большой стратегии концентрических колец, названной так по инициативе авторитетного индийского политического аналитика Раджа Мохана. В соответствии с ней, интеракции с другими странами формируются в контексте привычных для индийской политики круговых орбит влияния [Mohan 2006]. В первом круге находятся соседние страны, где доминантные позиции Индии руководство страны видит незыблемыми. Второй круг определяется расширенным со-

²⁰ Узбекистан продолжает оставаться важным центром изучения хинди и урду, здесь регулярно проводятся совместные конференции двух стран, посвященные вопросам преподавания языков и развитию методик лингвистики.

седством, которое не связано с географической трактовкой этого понятия: в эту зону входят страны АТР и государства Центральной Азии. Третий круг обусловлен взаимоотношением Индии с мировым сообществом в качестве одного из полюсов принятых решений глобального уровня. В каждом из трех стратегических колец Индия готовится вступить в «битву за сердца людей». Как видно, Центральная Азия в этой схеме находится во втором стратегическом круге, и в нем Индия начинает чувствовать себя более уверенно, стремясь уравновесить влияние США, Китая, Ирана и Пакистана. Последний аспект (гармонизация влияния) указан в стратегии присутствия Индии в Центральной Азии *Central Asia Connect Policy* в качестве одной из основных целей обновленной политики Индии в регионе [Keynote Address by MOS 2012].

Пропагандируя принцип неучастия в военных блоках, Индия развивает собственный геополитический проект – Движение неприсоединения (объединяет 120 стран). При непосредственном содействии Индии членами организации стали Туркменистан и Узбекистан; Киргизия и Казахстан получили статус наблюдателей. Кроме того, в целях пресечения радикализации ислама в регионе особое внимание уделяется сотрудничеству с Таджикистаном.

Обращение Индии к проблематике «мягкой силы» было связано со стремлением не отстать от Китая в области «руан шили». Следует отметить, что содержательный лейтмотив индийской «мягкой силы» весьма необычен: с одной стороны, в пику Китаю Индия делает акцент на приверженность демократическому развитию; с другой, как и Китай, Индия не настаивает на необходимости разделять демократические ценности при выстраивании равноправного партнерства. Тем самым индийский образ «благородного гегемона» универсализирует положительное восприятие страны государствами с разными политическими режимами. Одновременно Индия собственным примером опровергает исключительность «китайского пути» как наиболее эффективного для развивающихся стран, демонстрируя, что вопреки распространенному мнению демократический транзит вовсе не исключает возможности экономического прорыва.

К основным институциональным ресурсам индийской «мягкой силы» относятся:

- Отдел по вопросам публичной дипломатии при МИД Индии, сформированный в 2006 г. вслед за аналогичной структурой в КНР (Управлением по вопросам публичной дипломатии);
- Индийский совет по культурным отношениям при МИД Индии;
- Индийский совет по международным отношениям при МИД Индии;
- Отдел по делам зарубежья при МИД Индии (до 1 января 2016 г. – отдельное министерство) [Емельянова 2015, с. 186–191].

Наибольшую активность в странах Центральной Азии проявляет Индийский совет по культурным отношениям (*Indian Council for Cultural Relations – ICCR*), деятельность которого официально направлена на популяризацию культуры, истории, искусства Индии. *ICCR* координирует функционирование сети культурных центров при посольствах Индии (Центр индийской культуры имени Л.Б. Шастри в Ташкенте, Индийский культурный центр в Астане и др.). В последнее время Индия также стремится открывать аналогичные центры при университетах и библиотеках: так, в Ташкенте в Университете Мировой экономики и дипломатии учреждена индийская кафедра, с 2014 г. в Бишкеке работает Индийский центр культуры при Национальной библиотеке Киргизии, которая была переоснащена и отремонтирована за счет индийской стороны [Церемония открытия 2014]. Центры индийской культуры выступают

основными организаторами Дней индийской культуры в разных странах. Кроме того, с правительством Киргизии обсуждаются амбициозные планы создания Индийско-Центрально-Азиатского университета в Бишкеке (по аналогии с Американским университетом в Центральной Азии), где особое внимание будет уделяться подготовке специалистов в сфере информационных технологий и менеджмента [Stobdan 2015].

Для увеличения количества студентов, в том числе из Центральной Азии, ICCR в конце 2016 г. обновил стипендиальные программы, предназначенные для высшей школы всех уровней (бакалавриат, магистратура, докторантура) и направлений, кроме медицинских специальностей. Стипендиальные программы ICCR рассчитаны на длительный срок пребывания в стране и предполагают продолжительность обучения от 1 года до 4 лет. Пока же статистика выглядит более чем скромной, несмотря на то, что в рамках действующих программ среднеазиатские студенты имеют возможность учиться в 140 индийских вузах [List of Universities 2015]: так, количество студентов из Таджикистана, прошедших обучение по программам ICCR в разные годы, не превышало 32 чел. [ICCR Scholarships 2015]. Правда, помимо стипендиального проекта ICCR, расширяются возможности и Индийской программы технического и экономического сотрудничества (*Indian Technical and Economic Cooperation – ITEC*) по предоставлению иностранным гражданам различных программ повышения квалификации. В Таджикистане результаты программы ITEC, ориентированной на чиновников, достаточно высоки: ежегодно по программе проходит обучение не менее 150 государственных служащих [ICCR Scholarships 2015].

Политика нынешнего руководства страны во главе с премьер-министром Н. Модии подтверждает основательность индийских намерений в отношении Центральной Азии. Во время его турне по среднеазиатским государствам сразу после саммитов ШОС и БРИКС в Уфе в июле 2015 г. были серьезно обновлены и усовершенствованы соглашения о сотрудничестве в гуманитарных сферах: в Узбекистане подписана Программа сотрудничества в культурной сфере на 2015–2017 гг.; с Казахстаном, самым крупным торгово-экономическим партнером в Центральной Азии (средний товарооборот – более 1,3 млрд долл.) Индия инициировала новую программу обмена молодежью с шестью казахстанскими университетами; в Ашхабаде был открыт Центр йоги, подписано соглашение о сотрудничестве в области культуры, искусства, молодежи и СМИ, также с президентом Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедовым подписана программа сотрудничества в области науки и технологий на 2015–2017 гг.

В продвижения собственной культуры индийцы апеллируют к здоровому образу жизни и гармоничному развитию посредством популяризации среди населения центрально-азиатских стран занятий йогой. 12 декабря 2014 г. по инициативе Н. Модии на 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН в рамках программы «Всемирное здоровье и зарубежная политика» была принята резолюция об объявлении 21 июня Международным днем йоги, в которой признается, что именно йога обеспечивает комплексный подход к здоровью и благополучию²¹.

Политический эксперт, экс-заместитель министра иностранных дел Индии, Шаши Тхарур полагает, что «в контексте “мягкой силы” Индия более не может

²¹ Впервые Международный день йоги отмечался в 2015 г. В Нью-Дели в групповом занятии йогой приняли участие 36 тыс. чел. во главе с Н. Модии; аналогичные акции прошли в крупнейших городах по всему миру. Не остались в стороне и столичные мегаполисы Центральной Азии: групповые мастер-классы с демонстрацией сложных асан были проведены в Бишкеке, Астане и Ташкенте.

рассчитывать на свои изначальные преимущества. Будь то продвижение туризма или культурная дипломатия <...>, невозможно на достаточном уровне представить потенциал страны исключительно усилиями официального Дели. Индийское руководство должно сосредоточиться на построении усиленного государственно-частного партнерства для продвижения индийской культуры и перспектив развития за рубежом» [Tharoor (1) 2008, p. 44]. Тем более что подобный опыт у Индии есть: в распространении национального туристического бренда *Incredible India* с 2000-х гг. активно участвовали индийские частные компании, крупные холдинги и ассоциации [Имиджевая стратегия 2013, с. 197–219].

В проектах индийской «мягкой силы» в Центральной Азии ключевое место отводится развитию медийных каналов²². Телеиндустрия Индии среди развивающихся стран демонстрирует один из наиболее высоких уровней роста (до 15% в год) [Media and Entertainment Industry 2015], при этом особо востребованы индийские сериалы: например, по данным компании *TNS*, в марте 2014 г. самым популярным проектом телеканала «Казахстан» стал индийский телесериал «Келин», который смотрела треть телезрителей страны [Казахстанцы любят смотреть 2014]. Без сомнения, главным медийным проводником индийской «мягкой силы» в Центральной Азии остается кинематограф: Ш. Тхарур говорит об индийском кино как «о полноценной широкоэкранной дипломатии». Образы Индии, транслируемые известным всему миру кинематографом, который сумел освоить приемы западного кинопроизводства, позволяют стремительно расширять влияние, о котором скоро можно будет говорить в категориях «индийской культурной экспансии» [Tharoor (2) 2008].

Итак, «битва за сердца людей» в Центральной Азии со стороны Индии только начата, но она весьма многообещающа. Очевидно, многие аспекты индийской внешней политики следующих десятилетий, в том числе и в отношении центрально-азиатских государств, будут зависеть от того, сможет ли страна найти правильный баланс между «силой аргумента» и «аргументом силы».

Заключение

Рост значимости Центральной Азии на геополитической карте мира делает этот регион ареной конкурентной борьбы между государствами, стремящимися к укреплению своих позиций в качестве ключевых игроков, в том числе с помощью инструментов «мягкой силы».

Россия в условиях новой реальности оказывается в двойственном положении: с одной стороны, уровень позитивного восприятия ее населением стран Центральной Азии остается достаточно высоким, с другой стороны, на фоне отсутствия внятной политики в области «мягкой силы» у многих экспертов возникают опасения относительно прочности имеющихся у РФ ресурсов «мягкой власти», и проведенное в рамках данной статьи исследование позволяет сделать вывод об обоснованности подобного рода опасений. В то же время каждый из четырех акторов *soft power* имеет как слабые, так и сильные стороны, а потому исход борьбы за доминирование в Центральной Азии вовсе нельзя назвать предрешенным (таблица 2).

²² Активно растущая медийная индустрия Индии сконцентрирована в частных руках.

Таблица 2. SWOT-анализ стратегий «мягкой силы» России, США, Китая и Индии в Центральной Азии

	Россия	США	Китай	Индия
Основные ресурсы «мягкой силы» в регионе	<p>Распространенность русского языка в регионе; многолетние исторические, экономические, политические и культурные связи России с государствами Центральной Азии;</p> <p>в целом позитивный образ России в глазах местного населения; значительное влияние российских медиа- и массовой культуры;</p> <p>престижность русскоязычного образования и наличие значительного количества школ и вузов, где обучение ведется на русском языке (за исключением Туркменистана); ориентированность на Россию основного миграционного потока из Центральной Азии.</p>	<p>Статус США как ведущей мировой державы; высокий престиж английского как языка международного общения, а также престижность образования в американских университетах или в рамках американских образовательных программ, реализующихся непосредственно в Центральной Азии; популярность во всем мире американской массовой культуры; авторитет интеллектуального продукта, производимого американскими «фабриками мысли».</p>	<p>Эффективность китайской экономической модели; культуроцентричный подход: акцент на развитии программ «культурной дипломатии», совместных исследовательских проектов, студенческого и научного обмена; сознательный отказ от использования политических ценностей в качестве ресурса «мягкой силы»; фактор Синьцзян-Уйгурского автономного округа в качестве базы распространения культурного влияния Китая на страны Центральной Азии.</p>	<p>Акцент на статусе «крупнейшей демократии мира» при одновременном формировании образа «благородного гегемона» – ставка на универсализацию положительного восприятия Индии государствами с разными политическими режимами; наличие с советских времен дружеских взаимоотношений с республиками Центральной Азии; позитивное восприятие индийской «культурной и широкоэкранной дипломатии».</p>
Сильные стороны используемых инструментов непрямого воздействия	<p>В целом авторы достаточно критично оценивают российскую стратегию «мягкой силы» в регионе. В актив можно занести лишь большое внимание, которое уделяется русскому языку и русскоязычному образованию (имеется в виду осуществление ФЦП «Русский язык» с 2011 г. и принятие в 2015 г. концепции «Русская школа за рубежом»), однако реализация указанных программ нуждается в значительной корректировке.</p>	<p>Стратегия «мягкой силы» характеризуется выраженным стремлением США выстроить диверсифицированный подход к государствам Центральной Азии, не воспринимать их исключительно в контексте советского прошлого.</p> <p>Широкий спектр программ, связанных с развитием рыночной экономики, преодолением бедности, борьбой с гендерной дискриминацией, распространением институтов и ценностей демократии, а также оказанием гуманитарной помощи и социальной поддержке.</p>	<p>Большой диапазон для маневрирования в совместных проектах, что особенно актуально для развивающихся стран Центральной Азии.</p> <p>Рост экономической зависимости от Китая государств Центральной Азии (рост взаимного товарооборота, китайских инвестиций в регион и пр.).</p>	<p>Высокие рейтинги индийской кинопродукции.</p> <p>Новизна восприятия Индии в регионе ввиду того, что страна только начинает разворачивать программы «мягкого воздействия» в Центральной Азии.</p> <p>Востребованность программы повышения инженерной квалификации, которые предлагает Индия.</p>

<p>Слабые стороны используемых инструментов непрямого воздействия</p>	<p>Ориентированность российских акторов <i>soft power</i> исключительно на работу с союзниками за рубежом, неумение взаимодействовать с различными сегментами общества ближнего зарубежья; отсутствие у постсоветской России «своего лица» и системы ценностей, которые она могла бы предложить миру.</p>	<p>Слабая аргументация относительно стабилизирующей роли США в регионе; неоднозначное восприятие государствами Центральной Азии дальнейшего расширения влияния США (вплоть до оценок в категориях угрозы политической стабильности).</p>	<p>Излишняя централизация и исключение некоммерческих структур из сферы принятия решений; директивность и негибкость государственно-центристской модели выстраивания «мягкой силы».</p>	<p>Отсутствие отработанных механизмов реализации потенциала индийской «мягкой силы» в Центральной Азии, что делает действия Индии в этой области хаотичными.</p> <p>Неразвитые программы студенческого и научного обмена, стажировок и стипендиальных программ.</p>
<p>Возможности развития инструментов и ресурсов «мягкой силы»</p>	<p>Переход от работы с союзниками к взаимодействию с гражданским обществом в целом и с его различными сегментами в частности; активизация программ студенческих обменов; грантовая поддержка ученых из Центральной Азии, реализация совместных научных проектов; более активное привлечение экспертного сообщества к разработке российской стратегии «мягкой силы».</p>	<p>Увеличение количества государственных служащих в странах центрально-азиатского региона, получивших западное образование и позитивно относящихся к экономическим и гуманитарным стандартам США, способно серьезно переориентировать системы управления в странах Центральной Азии.</p>	<p>Проживание уйгуров, узбеков, казахов и таджиков на территории Китая и стран Центральной Азии задает условия для формирования транснациональных культурных связей.</p>	<p>Разворачивание масштабных кампаний в рамках государственно-частного партнерства; высокий медийный потенциал; наличие востребованного геополитического проекта Индии в регионе в формате Движения неприсоединения, который можно развивать как эффективный интеграционный проект.</p>
<p>Угрозы для реализации программ «мягкой силы»</p>	<p>Сокращение ареала русского языка в Центральной Азии; экономическая переориентация государств региона на других акторов; возрастающая конкуренция на рынке образовательных услуг, которую Россия не всегда выдерживает.</p>	<p>Активизация программ «мягкой силы» со стороны КНР и появление Индии как нового влиятельного актора в Центральной Азии; стремление национальных элит сохранить баланс сил в регионе, в том числе путем сдерживания некоторых американских проектов.</p>	<p>Широкое распространение среди политических и интеллектуальных элит Центральной Азии идеи о так называемой «китайской угрозе»; озабоченностью излишней зависимостью от Китая в экономической сфере.</p>	<p>Присутствие сильных противников (Россия, США и Китая), возможности и ресурсы которых в области реализации программ «мягкого воздействия» в Центральной Азии пока гораздо шире.</p>

Литература

- 25 лет без СССР. Казахстан (2016) // Коммерсантъ. Власть. №16 (1171). 25.04.2016 // <http://www.kommersant.ru/doc/2968021>
- Абдуллаев Е. (2008) Образ России в современном Узбекистане: вытеснение – использование – сохранение // Носов М.Г., Бочевера А.Ю. и др. (ред.) Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады Института Европы, № 222). М.: Ин-т Европы РАН. С. 66–91.
- Анхольт С., Хильдрет Д. (2010) Бренд Америка: мать всех брендов. М.: Хорошая книга.
- Борисов Н., Панарин С.А. (2008) Образ России в Кыргызстане: устойчивость позитивных стереотипов // Носов М.Г., Бочевера А.Ю. и др. (ред.). Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады Института Европы, № 222). М.: Ин-т Европы. С. 91–114.
- Борох О.Н., Ломанов А.В. (2012) От «мягкой силы» к «культурному могуществу» // Россия в глобальной политике. № 4 // <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-moguschestvu-15643>
- Василенко И.А., Василенко Е.В., Емельянова Н.Н., Хауер-Тюкаркина О.М., Люлько А.Н. (2013) Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта. М.: Международные отношения. С. 197–219.
- Доклад о результатах деятельности Россотрудничества по реализации возложенных на него полномочий за 2015 год // Россотрудничество // http://prev.rs.gov.ru/sites/default/files/doklad_2015_0.pdf
- Емельянова Н.Н. (2015) Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии) // Власть. № 6. С. 186–191.
- Изимов Р. (2014) «Мягкая сила» Китая – на прицеле Центральная Азия // Regnum. 28.01.2014 // <https://regnum.ru/news/1759411.html>
- Казанцев А.А., Меркушев Н.Н. (2008) Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. № 2. С. 122–135.
- Казахстанцы любят смотреть новости, индийские сериалы и советское кино (2014) // Право и СМИ Центральной Азии. 31.03.2014 // <http://medialaw.asia/posts/31-03-2014/80303.html>
- Караганов С., Песков А. (2016) Главный российский товар – безопасность // Военно-промышленный курьер. № 13(628). 06.04.2016 // <http://vpk-news.ru/articles/30074>
- Комиссина И.Н. (2012) Научные и аналитические центры Китая. М.: РИСИ.
- Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. (2013) // МИД РФ // http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84dadedbf7da644257b160051bf7f
- Концепция «Русская школа за рубежом» (2015) // Kremlin.ru // <http://kremlin.ru/acts/news/50643>
- Концепция федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 гг. (2014) // Government.ru // <http://government.ru/media/files/1EiDSUicWXw.pdf>
- Космарская Н. (2006) «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис.
- Летняков Д.Э. (2015) Роль русского языка в постсоветской Центральной Азии // Полития. № 4 (79). С. 100–115.
- Лукин А.В. (2015) Возвышающийся Китай и будущее России. М.: Международные отношения.
- Най Дж.С. (2006) Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск, М.: Тренды.
- Носов М.Г., Бочевера А.Ю. и др. (ред.) (2008) Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады Института Европы, № 222). М.: Ин-т Европы РАН.
- О стратегии USAID в Центральной Азии (2014) // StandRadar.com. 02.11.2014 // <http://www.stanradar.com/news/full/13461-o-strategii-usaid-v-tsentralnoj-azii.html>
- Олимова С. (2008) Эволюция образа России в Таджикистане // Носов М.Г., Бочевера А.Ю. и др. (ред.) Россия и ЕС в Центральной Азии (Доклады Института Европы, № 222). М.: Ин-т Европы РАН. С. 114–142.
- Прогноз развития энергетики мира и России до 2040 года (2014) // ИНЭИ РАН, Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации // https://www.eriras.ru/files/forecast_2040.pdf

- Савкович Е.В. (2012) Развитие отношений Индии с государствами Центральной Азии в 1990–2000-е гг. и позиция Китая // Вестник Томского государственного университета. Т. 3. № 19. С. 114–120.
- Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. (2015) Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России. М.: РУДН.
- Церемония открытия Индийского центра культуры (2014) // Национальная библиотека Кыргызской Республики им. Алыкула Осмонова. 13.11.2014 // http://nlkr.gov.kg/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1
- Чепурин А. (2006) Соотечественники как зарубежный ресурс // НГ-Дипкурьер. 13.02.2006 // http://www.ng.ru/courier/2006-02-13/12_resurs.html
- Campbell I. (2013) *India's Role and Interests in Central Asia*, London: Saferworld.
- ICCR Scholarships for Tajiks (2015) // Embassy of India in Tajikistan // <http://indianembassytj.com/index.php?itfpage=contents&itemid=iccr>
- Keynote Address by MOS Shri E.Ahamed at First India-Central Asia Dialogue (2012) // Ministry of External Affairs. Government of India // <http://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/Keynote+address+by+MOS+Shri+E+Ahamed+at+First+IndiaCentral+Asia+Dialogue>
- Media and Entertainment Industry. Television, One of the Largest and Fastest Growing Segment (2015) // India Brand Equity Foundation // <http://www.ibef.org/industry/media-entertainment-india.aspx>
- Mohan R. (2006) India and the Balance of Power // *Foreign Affairs*, vol. 85, no 4, pp. 17–32 // <http://users.clas.ufl.edu/zselden/Course%20Readings/Mohan.pdf>
- Pavlenko A. (2008) Russian Language in Post-Soviet Countries // *Russian Linguistics*, vol. 32, no 1, pp. 59–80.
- Stobdan P. (2015) Central Asia India's Northern Exposure // Institute for Defence Studies and Analyses, New Delhi, pp. 58–61.
- Tharoor S. (1) (2008) India as a Soft Power // *India International Centre Quarterly*, vol. 35, no 1, pp. 32–45.
- Tharoor S. (2) (2008) India's Bollywood Power // *Policy Innovations*. 16.01.2008 // <http://www.policyinnovations.org/ideas/commentary/data/000030>
- The Global Go To Think Tanks Index 2014 (2014) // Penn Libraries. University of Pennsylvania // http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks
- What We Do (2016) // USAID // <https://www.usaid.gov/what-we-do>
- Wolfowitz P. (2000) Remembering the Future // *The National Interest*, no 59, pp. 35–45.

“Soft Power” Strategies in Post-Soviet Central Asia: Russia versus the USA, China and India

D. LETNYAKOV*, N. EMEL'YANOVA**

***Denis Letnyakov** – PhD in Politics, Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Research Fellow, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences. Address: 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation. E-mail: letnyakov@mail.ru

****Natal'ya Emel'yanova** – PhD in Politics, Research Fellow, Institute of Philosophy; Senior Lecturer, State Academic University for the Humanities. Address: 12/1, Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation. E-mail: nata.emelyanova86@gmail.com

Citation: Letnyakov D., Emel'yanova N. (2017) “Soft Power” Strategies in Post-Soviet Central Asia: Russia versus the USA, China and India. *Mir Rossii*, vol. 26, no 4, pp. 118–142 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142

Abstract

This paper discusses Russia's "soft power" strategies. More specifically, it answers the following questions: What are the strategies pursued by the institutions that were designed to promote Russian economic and cultural expansion (Rossotrudnichestvo, Russkij mir foundation, The Gorchakov Fund)? Does Russia have a competitive advantage over other countries in this respect? What soft power strategies does Russia need in different regions of the world? These questions are discussed in connection with Russia's affairs in post-Soviet Central Asia. In addition, A comparative study of soft power politics implemented in Central Asia by the USA, China and India is conducted. The main conclusion is that Russia still has prominent soft power resources in the region. These include extensive use of Russian language especially in the cultural, educational and business spheres, a positive attitude in Central Asia both towards today's Russia and towards the history of the Soviet period, the direction of migration flows from Central Asia region to Russia, the popularity of Russian mass culture (music, TV-shows) and Russian mass media. However, Russia's soft power resources in the post-Soviet space are drawn largely from the legacy of the Soviet epoch. Currently Russia is facing increasingly strong competition in Central Asia, and its strategies of soft power have become less efficient. For instance, Rossotrudnichestvo and "Russkij mir" narrowly emphasize cooperation with Russian-speaking citizens in post-Soviet states ("compatriots abroad") rather than broader-scale cooperation. Further, their activities are limited to concerts, literary events and conferences that attract small audiences and have no significant impact on public opinion in post-Soviet states. The problem of the self-identification of contemporary Russia and the absence of a distinct image of itself also seriously limits Russia's soft power. In order for Russia to remain an influential actor in Central Asia, its foreign policy has to be revised in the nearest future.

Key words: soft power, Central Asia, post-Soviet space, Russia, China, USA, India, culture, image, national brand

References

- 25 let bez SSSR. Kazakhstan (2016) [25 Years without the USSR. Kazakhstan]. *Kommersant. Vlast'*, no 16 (1171), 25 April 2016. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/2968021>, accessed 31 August 2017.
- Abdullaev E. (2008) *Obraz Rossii v sovremennom Uzbekistane: vytesnenie – ispol'zovanie – sokhranenie* [The Image of Russia in Modern Uzbekistan: Repression – Usage – Preservation]. *Rossiya i ES v Tsentral'noj Azii* [Russia and the EU in Central Asia] (eds. Nosov M.G., Bochevera A.Yu.) (Reports of the Institute of Europe, no 222), Moscow: Institute Evropy, pp. 66–91.
- Anholt S. Hildreth J. (2010) *Brend Amerika: mat' vsekh brendov* [Brand America: The Mother of All Brands], Moscow: Dobraya kniga.
- Annual Performance Report (2016). *USAID*. Available at: <https://www.usaid.gov/results-and-data/progress-data/annual-performance-report>, accessed 31 August 2017.

- Borisov N., Panarin S.A. (2008) *Obraz Rossii v Kyrgyzstane: ustojchivost' pozitivnykh stereotipov* [The Image of Russia in Kyrgyzstan: the Stability of Positive Stereotypes]. *Rossiya i ES v Tsentral'noj Azii* [Russia and the EU in Central Asia] (eds. Nosov M.G., Bochevera A.Yu.) (Reports of the Institute of Europe, no 222), Moscow: Institute Evropy, pp. 91–114.
- Borokh O.N., Lomanov A.V. (2012) *Ot «myagkoj sily» k «kul'turnomu mogushhestvu»* [From Soft Power to Cultural Mightiness]. *Rossiya v global'noj politike*, no 4. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Ot-myagkoi-sily-k-kulturnomu-mogushchestvu-15643>, accessed 31 August 2017.
- Campbell I. (2013) *India's Role and Interests in Central Asia*, London: Saferworld.
- Chepurin A. (2006) *Sootechestvenniki kak zarubezhnyj resurs* [Compatriots as a Foreign Resource]. *NG-Dipkur'er*. Available at: http://www.ng.ru/courier/2006-02-13/12_resurs.html, accessed 31 August 2017.
- Doklad o rezul'tatakh deyatelnosti Rossotrudnichestva po realizatsii vozlozhennykh na nego polnomochij za 2015 god [Report on the Performance of Rossotrudnichestvo in 2015]. *Rossotrudnichestvo*. Available at: http://prev.rs.gov.ru/sites/default/files/doklad_2015_0.pdf, accessed 31 August 2017.
- Emel'yanova N.N. (2015) *Perspektivy «gibkoj vlasti» v Azii (na primere Kitaya i Indii)* [Perspectives on “Soft Power” in Asia (Examples of China and India)]. *Vlast'*, no 6, pp. 186–191.
- Filimonov G.Yu., Karpovich O.G., Manojlo A.V. (2015) *Tekhnologii «myagkoj sily» na vooruzhenii SShA: otvet Rossii* [“Soft Power” Technologies in the US Arsenal: Russia's Response], Moscow: RUDN.
- ICCR Scholarships for Tajiks (2015). *Embassy of India in Tajikistan*. Available at: <http://indianembassytj.com/index.php?itfpage=contents&itemid=iccr>, accessed 31 August 2017.
- Izimov R. (2014) «Myagkaya sila» Kitaya – na pritsele Tsentralnaya Aziya [Chinese “Soft Power” – Central Asia in Focus]. *Regnum*. Available at: <http://regnum.ru/news/1759411.html>, accessed 31 August 2017.
- Kazakhstansy lyubyat smotret' novosti, indijskie serialy i sovetskoe kino (2014) [Kazakhs Prefer News, Indian Movie Series and Soviet Movies]. *Pravo i SMI Tsentral'noj Azii* [The Law and Mass Media in Central Asia]. Available at: <http://medialaw.asia/posts/31-03-2014/80303.html>, accessed 31 August 2017.
- Kazantsev A.A., Merkushev N.N. (2008) *Rossiya i post-sovetskoe prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya “myagkoj sily”* [Russia and Post-Soviet Space: the Prospects of “Soft Power”]. *Polis*, no 2, pp. 122–135.
- Karaganov S., Peskov A. (2016) *Glavnyj rossijskij tovar – bezopasnost'* [Russia's Main Asset is Security]. *Voенно-promyshlennyj kur'er*, no 13 (628). Available at: <http://vpk-news.ru/articles/30074>, accessed 31 August 2017.
- Keynote Address by MOS Shri E. Ahamed at First India-Central Asia Dialogue (2012). *Ministry of External Affairs. Government of India*. Available at: <http://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/Keynote+address+by+MOS+Shri+E+Ahamed+at+First+India+Central+Asia+Dialogue>, accessed 31 August 2017.
- Komissina I.N. (2012) *Nauchnye i analiticheskie tsentry Kitaya* [Scientific and Analytic Centers of China], Moscow: RISI.
- Kontseptsiya federal'noj tselevoj programmy «Russkij yazyk» na 2016–2020 gg. (2014) [The Concept of the Federal Program “Russian Language” for 2016–2020]. *Government.ru*. Available at: <http://government.ru/media/files/1EiDSUiCWxw.pdf>, accessed 31 August 2017.
- Kontseptsiya «Russkaya shkola za rubezhom» [The Concept of “Russian School Abroad”]. *Kremlin.ru*. Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/50643>, accessed 31 August 2017.
- Kontseptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federatsii. Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federatsii V.V. Putinym 12 fevralya 2013 (2013) [The Concept of Russia's Foreign Policy. Approved by V.V. Putin, 12 February 2013]. *The Ministry of Foreign Affairs of Russia*. Available at: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/6d84ddededbf7da644257b160051bf7f, accessed 31 August 2017.
- Kosmarskaya N. (2006) «*Deti imperii*» v post-sovetskoj Tsentral'noj Azii: adaptivnye praktiki i mental'nye sdvigi (russkie v Kirgizii, 1992–2002) [“Children of Empire” in post-Soviet Central Asia: Adaptive Practices and Mental Changes (Russian in Kyrgyzstan, 1992–2002)], Moscow: Natalis.

- Letnyakov D.E. (2015) Rol' russkogo yazyka v post-sovetskoj Tsentral'noj Azii [The Role of Russian Language in post-Soviet Central Asia]. *Politiya*, no 4 (79), pp. 100–115.
- Lukin A.V. (2015) *Vozvyshayushchij'sya Kitay i budushchee Rossii* [Rising China and Russia's Future], Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya.
- Media and Entertainment Industry. Television, One of the Largest and Fastest Growing Segment (2015). *India Brand Equity Foundation*. Available at: <http://www.ibef.org/industry/media-entertainment-india.aspx>, accessed 31 August 2017.
- Mohan R. (2006) India and the Balance of Power. *Foreign Affairs*, vol. 85, no 4, pp. 17–32. Available at: <http://users.clas.ufl.edu/zselden/Course%20Readings/Mohan.pdf>, accessed 31 August 2017.
- Nosov M.G., Bochevera A.Yu. (eds.) (2008) *Rossiya i ES v Tsentral'noj Azii* [Russia and the EU in Central Asia] (Reports of the Institute of Europe, no 222), Moscow: Institute Evropy.
- Nye J.S. (2006) *Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoj politike* ["Soft Power": How to Succeed in World Politics], Novosibirsk, Moscow: Trendy.
- O strategii USAID v Tsentral'noj Azii (2014) [On the USAID Strategy in Central Asia]. *StandRadar*. Available at: <http://www.stanradar.com/news/full/13461-o-strategii-usaid-v-tsentralnoj-azii.html>, accessed 31 August 2017.
- Olimova S. (2008) Evolyutsiya obraza Rossii v Tadzhikestane [The Evolution of Russia's Image in Tajikistan]. *Rossiya i ES v Tsentral'noj Azii* [Russia and the EU in Central Asia] (eds. Nosov M.G., Bochevera A.Yu.) (Reports of the Institute of Europe, no 222), Moscow: Institute Evropy, pp. 114–142.
- Pavlenko A. (2008) Russian Language in Post-Soviet countries. *Russian Linguistics*, vol. 32, no 1, pp. 59–80.
- Prognoz razvitiya energetiki mira i Rossii do 2040 goda (2014) [The Forecast of Energy System Development in Russia and the World until 2040]. *INEHI RAN, Analiticheskij tsentr pri Pravitel'stve Rossijskoj Federatsii* [Energy Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Analytic Centre of the Government of Russian Federation], Moscow. Available at: https://www.eriras.ru/files/forecast_2040.pdf, accessed 31 August 2017.
- Savkovich E.V. (2012) Razvitie otnoshenij Indii s gosudarstvami Tsentral'noj Azii v 1990–2000-e gg. i pozitsiya Kitaya [The Development of Relations Between India and the States of Central Asia in 1990–2000, and China's Reaction]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 3, no 19, pp. 114–120.
- Stobdan P. (2015) Central Asia India's Northern Exposure. *Institute for Defence Studies and Analyses*, New Delhi, pp. 58–61.
- Tharoor S. (1) (2008) India as a Soft Power. *India International Centre Quarterly*, vol. 35, no 1, pp. 32–45.
- Tharoor S. (2) (2008) India's Bollywood Power. *Policy Innovations*. Available at: <http://www.policyinnovations.org/ideas/commentary/data/000030>, accessed 31 August 2017.
- The Global Go To Think Tanks Index 2014 (2014). *Penn Libraries. University of Pennsylvania*. Available at: http://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1008&context=think_tanks, accessed 31 August 2017.
- Tseremoniya otkrytiya Indijskogo tsentra kul'tury (2014) [The Opening Ceremony of Indian Cultural Centre]. *Natsional'naya biblioteka Kyrgyzskoj Respubliki im. Alykula Osmonova* [National Library of Kyrgyzstan]. Available at: http://nlkr.gov.kg/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1, accessed 31 August 2017.
- Vasilenko I.A., Vasilenko E.V., Emel'yanova N.N., Khauer-Tyukarkina O.M., Lyul'ko A.N. (2013) *Imidzhevaya strategiya Rossii v kontekste mirovogo opyta* [Russia's Image Strategy in the Context of World Experience], Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, pp. 197–219.
- What We Do (2016). *USAID*. Available at: <https://www.usaid.gov/what-we-do>, accessed 31 August 2017.
- Wolfowitz P. (2000) Remembering the Future. *The National Interest*, no 59, pp. 35–45.